

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРБИНИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериял «Амалия –
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Драма в кукольном доме
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции

Девушка с синими гортензиями
Аквамаминово танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена

Сериял «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦИНА

ОТРАВЛЕННАЯ
МАСКА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.
В31 Отравленная маска : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-095273-1

Семейство Амалии разорено! Вот если бы она удачно вышла замуж... Девушка не сомневалась, что будет иметь успех в свете, и всюю готовилась к балу у Ланиных. Но блеснуть ей так и не удалось: бал отменили из-за трагических обстоятельств. Погибла Жюли Ланина. В доме ее родителей Амалия познакомилась с чиновником департамента полиции, милым, неуклюжим Сашей Зябликовым. Под большим секретом он поведал, что уже несколько богатых знатных девушек умерли без всяких на то причин. Амалия заинтересовалась его расследованием, и с ней начали происходить странные вещи: сначала ее чуть не сбила карета, потом погиб котенок, выпивший молоко из ее чашки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-095273-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

На новый, 1880 год в парижской опере давали грандиозный бал-маскарад. Огромное здание было расцвечено огнями, к главному подъезду то и дело подкатывали великолепные экипажи, из которых выходили смеющиеся, причудливо разряженные люди. Из ноздрей лошадей валил белый пар, свет газовых фонарей казался бледным и зябким, но стоило миновать массивную дверь с представительным швейцаром, как ночь и холод отступали прочь под натиском безудержного, бесшабашного веселья. В фойе кружился хоровод масок, на мраморной лестнице красивые девушки в нарядах Коломбин осыпали гостей конфетти и пестрыми блесками. Все проходы были запружены счастливой, возбужденной, ряженой толпой. Здесь присутствовали Париж финансовый, Париж аристократический, Париж торговый, Париж поэтический, музыкальный, военный, старый, молодой, старинный, молодящийся... Дамы сверкали драгоценностями и улыбками, и улыбки порой блистали ярче драгоценностей. Кавалеры... Но о кавалерах стоит поговорить особо. Вот, например, дородный плешивый господин в костюме

священника. Смеясь, он широко разевает рот, как рыба, выброшенная из воды, и трижды три его подбородка прыгают и волнуются, словно в жестокой малярийной лихорадке. Его собеседник криво улыбается.

— Ха! Ха! Ха! Ну и насмешили вы меня! — стонет «малярийный».

Это банкир. Но даже перо беспристрастного историка дрожит и колеблется, не решаясь вывести его грозное имя. Хотя, заметим, к нашему рассказу его обладатель не имеет ровным счетом никакого отношения. Ну, подумаешь, эка невидаль, пришел человек на бал в оперу! Впрочем, если быть до конца откровенным, это не человек — это столп, атлант, подпирающий своим плечом государство, всего лишь десять лет назад находившееся на грани величайшей катастрофы в своей истории¹. Чихни он, и где-нибудь в Африке или Америке начнется такое землетрясение, от которого не поздоровится и европейским биржам; а если утром горничная, не дай бог, подаст ему в постель чашку остывшего кофе, так и вовсе страшно подумать, что может от этого приключиться. Однако оставим атланта. Он толст и в чем-то непроходимо глуп, и его любовница, третьеразрядная актриса «Комеди Франсез», попавшая туда, замечу, исключительно по его протекции (не благодаря же таланту, который отсутствовал у нее начисто), — словом, любовница — и та наставляет ему развесистые рога с неким драгунским капитаном, у которого нет в наличии ни банка, ни даже самого

¹ Имеется в виду Франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся полным разгромом Франции и отречением императора Наполеона III. (Здесь и далее – примечания автора.)

заваливающегося сейфа, и чих его не произведет землетрясения даже в Блуа, но зато у него имеются роскошные усы, мечтательные глаза и всего-навсего двадцать пять лет жизни за спиной. Да здравствуют те, кому только-только сравнялось двадцать пять, и долой надоедливую, брюзжащую, подагрическую старость!

Впрочем, мы что-то увлеклись и едва не пропустили самое главное. Давайте же окунемся в гущу толпы. Ах! Ох! Ой! Какая толкотня! Сколько народу! А костюмы, а маски, а личины, а лица! Шум стоит просто невообразимый. Быстрее, быстрее сюда! Фу, теперь можно и отдышаться чуток... Взгляните наверх! Еще выше! Да нет же, не на ту толстую даму с тройным слоем румян, растекающихся по лоснящейся коже, о нет! Что за вкус, бог мой! Напротив, смотрите напротив! Никого? Как так — никого?

Разумеется, мы его упустили, потому что вы самым бесцеремонным образом пялились на толстуху (жену директора банка, между прочим) и на ее выложенное бриллиантами декольте. А ведь буквально минуту назад у вон той — видите? — колонны, второй слева, маячила бледная тень. Это был человек в костюме Пьеро и маске, целиком закрывавшей лицо. Его руки утопали в длинных рукавах белого балахона, на щеке белой, как и вся одежда незнакомца, маски была нарисована огромная черная слеза. В толпе бродила по меньшей мере дюжина его двойников в точно таких же одеяниях, но ни один из них не выказывал подобной необщительности, как сей загадочный гость. Порой какая-нибудь прелестная девушка со стрекозиными крыльями за спиной подлетала к нему, думая, что узнала своего знакомого, но, поняв, что обозналась, тотчас ускользала прочь, и этот Пьеро вновь

оставался в полном одиночестве, которое, похоже, вполне его устраивало. Маститый критик, вырядившийся евнухом восточного гарема, принял его за непризнанного поэта, которого он недавно разгромил в своей рецензии; двое шутников довольно громко позубоскалили насчет незнакомца, но он никак не откликнулся на высокомерный кивок критика и ничего не ответил задирающим его весельчакам. Возможно, он ждал кого-то, кто еще не пришел. И впрямь, стоило ему заметить среди вновь прибывших девушку в изумительном платье, сшитом по испанской моде семнадцатого века, взгляд его заметно оживился. Тут, однако, мы имеем дело с первой странностью, потому что Пьеро вовсе не стал пробиваться через толпу, стремясь к красавице; не стал он и махать руками, подавать знаки и всячески привлекать к себе внимание, как это с незапамятных времен в обычае у влюбленных. Он просто скользнул куда-то в полумрак и исчез, словно его здесь и не было.

Вокруг девушки в платье а l'espagnole¹ тем временем образовался небольшой круг масок. Шепоток зависти, восхищения и их вечной спутницы — ядовитой насмешки перепархивал с уст на уста, меж тем как вновь прибывшая наслаждалась тем фурором, который произвело на собравшихся ее появление. Звали девушку Адриенн Дарье, и в редкие минуты печали, которые ей выпадали, она искренне жалела о том, что в мире остается все меньше и меньше королей, способных бросить свои королевства к ее ногам. Ибо Адриенн принадлежала к тем одержимым честолюбием людям, которым всего мало, и даже колоссальное состояние ее отца, нажитое неизвестно где и не-

¹ По испанской моде (франц.).

известно как в годы крушения империи, она принимала скорее как данность, нежели как нечто, заслуживающее внимания с ее стороны.

Надо сказать, что деньги вообще имеют нечто общее с любовью (и не только тем, что некоторые предпочитают расплачиваться ими за любовь), в делах финансовых, равно как и в делах сердечных, вызывает непритворный душевный трепет лишь то, что ускользает от нашей власти, бросает нам вызов, обольщает своей недостижимостью, мнимой или действительной. В сущности, нас по-настоящему привлекает только то, что принадлежит другому. Именно поэтому Адриенн Дарье не дорожила своим богатством — при всем при том прекрасно отдавая себе отчет в размере приданого, которое она в один прекрасный (или не очень, как знать?) день принесет своему драгоценному — и в буквальном смысле слова тоже! — супругу. Гораздо больше, чем деньгами, она дорожила своей красотой — той, что придиричivé парижане, разобрав по черточкам, объявили «красотой хищницы». Да, пожалуй, черные глаза Адриенн были не очень велики и не слишком выразительны; и крылья носа широковаты, и рот крупнее и жестче, чем у парижских барышень, и... И все-таки она была бесконечно, невероятно мила, раз в ней с таким упорством искали изъяны и радовались, найдя их. В отличие от очень и очень многих женщин зеркало никогда не являлось врагом Адриенн.

Поскольку нынешний вечер выдался совершенно особенным, она остановилась на наряде, подчеркивающим все ее достоинства, а именно на темно-зеленом с золотыми разводами платье со стоячим воротником. Причем портной поклялся самой страшной портновской клятвой, что

такого больше ни у кого не будет — не только на этом балу, но и вообще никогда (если вам любопытно, какая самая страшная клятва бывает у портных, не забудьте, что они постоянно имеют дело с ножницами и прочими режущими и колющими предметами, впрочем, каждый понимает клятвы в меру своей испорченности). Платье и впрямь вышло на редкость удачным. Оно вселяло оторопь, тоску и изумление во всякого, в чьем поле зрения оказывалась Адриенн, да и не оно одно: в темных волосах девушки сверкала неземной красоты диадема из бриллиантов с изумрудами, превосходно сочетавшаяся с такими же сережками. Каналья-ювелир, величайший в Париже искусник в своем деле, клялся своей мамой (покойной), папой (здравствующим), а также бабушками и дедушками по обеим линиям и предками со всех сторон света, что ни за что, ни за какие коврижки не поспеет сработать до наступления Нового года сей несравненный гарнитур для несравненной мадемуазель Дарье. Разумеется, он лгал, хотя его ложь и влетела папаше Дарье в кругленькую сумму дополнительно к основному счету — за «скорость». Зато теперь Адриенн могла быть совершенно счастлива среди парижских красавиц, которым она, по выражению ее отца, до сих пор не отучившегося от ужасных простонародных словечек, «хорошенько утерла нос».

Адриенн, держа в руке зеленую, бархатную, в цвет платья, полумаску на палочке, с видимым удовольствием поворачивалась во все стороны, отвечала на обращенные к ней приветствия, и ее маленькие, с розовыми мочками уши не пропускали ни единого слова, сказанного о ней. Мужчины были ослеплены и покорены, женщины — язвительно колки, как всегда.

— Это Адриенн!

— О! Царица Адриенн!

— Опять она! Уйдем отсюда, я не могу ее видеть.

— Нет, ты посмотри, какая прелесть!

— Кто это? — спрашивал кого-то на ломаном французском какой-то англичанин, назойливо лорнируя девушку.

— О! Дочь денежного мешка, этакий хорошенький денежный мешочек! — И вслед раздался противный, просто гадкий смех.

И, конечно, вертелись рядом приятельницы, подружки...

— Здравствуй, Адриенн, дорогая! Какое чудное платье! — ворковала одна.

— Линялая тряпка! — сообщит она своей подруге через четверть часа, когда Адриенн уже не будет поблизости.

В толпе Адриенн очень скоро стало душно и скучно. Мужчины, по ее мнению, выглядели, как нелепые манекены, а все женщины поголовно походили на отставных кокоток. Ее кавалер Кристиан Бернар-Вермийон, всего-навсего сын владельца железных дорог, суетился как мог, пытаясь угодить своей повелительнице. Он подал ей веер, поднес лимонад, но веер был с презрением отвергнут, а лимонад тут же вылит на ни в чем не повинный фикус. Бедный Кристиан был удручен. Он был раздавлен. Он был уничтожен.

Как последнее средство он предложил уйти отсюда. У папы званый ужин, там собрались самые приличные люди... Да, да, самое изысканное общество, продолжал он, ободренный молчанием красавицы. Есть даже один писатель, которого прочтут в преемники Виктору Гюго. Правда, сам мэтр, которому пошел уже восьмой десяток,

категорически с этим не согласен и будто бы даже заявил, что лучше остаться вовсе без преемников, нежели слышать, как учиняют подобное надругательство над музой поэзии. Кто, собственно, подразумевался под музой и над кем учиняли надругательство — решительно непонятно, но похоже, что все-таки над самим Виктором Гюго. Впрочем, почти наверняка все это выдумки клеветников, которым любо опорочивать и стравливать между собою почтенных работников пера и чернильницы, безвинных мучеников вдохновения. Наверняка...

— Как вы мне все надоели, — бросила ему наконец царственная Адриенн и, подобрав шлейф, стала подниматься по лестнице.

Опешивший Кристиан хотел было последовать за ней, но тут его подхватила под руку какая-то дама в розовом платье, мушках и напудренном парике и увлекла танцевать.

Адриенн даже не заметила исчезновения своего спутника. Ее мучило другое — то, что платье, о котором она совсем недавно грезила с таким упоением, на самом деле оказалось неудобным и сковывало движения. Само собою, за него были заплачены немислимые деньги, и в конце концов, было так приятно подразнить окружающих роскошью, им недоступной, но... Тут Адриенн чуть не споткнулась — именно из-за неудобства баснословно дорогого наряда, и мысленно послала к черту всех на свете, причем в первую очередь испанских королей, носивших такие жуткие одежды. Кто-то ловко подхватил ее под локоть. Она подняла голову — и увидела Пьеро. Маска прижала палец к губам, поклонилась и отступила назад. Адриенн проводила Пьеро недоуменным взглядом, однако ей стало немного легче: ей показалось,

что она узнала того, кто скрывался под маской, по прикосновению. «Ага, и этот тоже попался», — мелькнуло у нее в голове. И она непринужденно и грациозно преодолела оставшиеся ступеньки.

Миновав узкий коридор, девушка вошла в одну из театральных гримуборных, предоставленных на время бала в полное распоряжение дам. Зеркала мерцали прохладой. При появлении Адриенн две или три смеющиеся девушки внезапно перестали смеяться, встали и вышли. В дверях одна из уходящих не удержалась и, скорчив уморительную гримасу, показала красавице язык. Несколько месяцев назад Адриенн увела у этой девушки жениха и, поиграв с ним ровно столько, сколько играют с куклой, отбросила.

Адриенн все прекрасно видела, но виду не подала, лишь взгляд ее стал острым, как лезвие. Она подошла к зеркалу, чтобы поправить прическу, и случайно выпустила из рук полумаску. Чертыхнувшись про себя, Адриенн нагнулась подобрать ее, а когда вновь распрямилась, то даже вскрикнула от испуга, увидев в зеркале сбоку от своего белый силуэт.

— А, это вы! — сердито вырвалось у нее. — Вы меня напугали, честное слово! Разве можно так подкрадываться!

— Вы меня узнали? — глухо прозвучал вопрос.

— Разумеется. Боже, какой наряд!

Пьеро (ибо это был именно он), возможно, помрачнел от ее слов, но наверняка нам этого знать не дано, ибо маска с черной слезой на щеке закрывала все его лицо.

— Я принес вам шампанское, — сказал он. В руках он и в самом деле держал два бокала и приподнял один в заздравном жесте: — За вас.

Адриенн улыбнулась и взяла бокал. Он положительно мил, подумала она. И сделала глоток.

— Я бы предпочла шербет, — заметила она с тонкой улыбкой. Не стоит чересчур его поощрять.

Пьеро вздохнул и повел руками, отчего длинные рукава балахона соскользнули едва ли не до локтей. Он поспешно опустил руки, но мчаться стремглав за шербетом явно не торопился.

— Вы ужасно похожи на несчастливую влюбленную, — поддразнила красавица своего молчаливого друга, допивая вино. — Что с вами?

— Я не несчастен, — спокойно промолвил тот. — И, во всяком случае, не влюблен.

Адриенн поморщилась и поставила пустой бокал на туалетный столик. Слова ее собеседника безотчетно не понравились ей.

— Но ведь вы же Пьеро, не так ли?

Своим вопросом Адриенн намекала на то, что в комедии масок Пьеро всегда изображает неудачника, влюбленного в Коломбину, которая обманывает его с пройдохой Арлекином.

— С чего вы взяли?

Было странно и немного жутко слышать глуховатый голос незнакомца в то время, как губы его маски оставались совершенно неподвижными.

— У вас такой наряд, — ответила Адриенн.

— Это наряд смерти, мадемуазель, — шепнула маска.

Адриенн подалась назад. Отчего-то ей стало трудно дышать. Девушка схватилась руками за горло. Какая глупая шутка, какая неприличная... А он еще хочет, чтобы его считали воспитанным человеком... Адриенн почувствовала, как на висках у нее выступил крупный пот.

Пьеро смотрел на нее, и в его глазах она читала не усмешку, не торжество, а всего лишь спокойное, сосредоточенное любопытство. Это было невыносимо.

— Смерти? — Она не узнала своего голоса. Язык цепенел, слова давались ей с трудом. — Какой смерти?

В этот миг она почти ненавидела его. Его балахон, его маску, но больше всего — дурацкую черную слезу на щеке. Глаза в прорезях маски сверкнули.

— Вашей, Адриенн.

Она подумала: «Он шутит. Он всегда... так...» Но что «всегда», додумать Адриенн уже не успела. Она хотела сказать что-то, быть может, спросить, за что ей это, и почему так трудно, так тяжело дышать... и еще платье, платье... это наверняка простой обморок... ведь он не посмеет... нет, это все платье, ведь горничная Женевьева предупреждала ее, а она не послушалась, обозвала ее деревенской дурой... Кровь молотом застучала в голове Адриенн, все быстрее, быстрее, но внезапно наступила тишина. И молот больше не стучал, и тишина эта длилась ровно вечность.

Все закачалось и поплыло перед глазами у девушки. Зеркала накренились и беззвучно рухнули куда-то вбок, но Адриенн даже не смогла удивиться. Она лежала на полу, и свет капля за каплей вытекал из ее широко раскрытых глаз. Она была мертва.

Пьеро взял бокал со столика и поставил на него свой. Огляделся. За дверями, совсем близко, возникли и угасли голоса. Он спрятал в рукав отравленный бокал и медленно снял маску.

Весной 1880 года Амалия Тамарина возвращалась из Франции в Россию. Позади остались лавандовые поля и мельницы старого Прованса, сказочный Париж, где